

Позиция стран Антанты по этому поводу оказалась крайне противоречивой и непоследовательной. С одной стороны, 16 июня 1919 г. германское правительство было уведомлено английской стороной о том, что союзники категорически против рассмотрения дел военных преступников в немецких судах. Однако уже 15 февраля 1920 г. в специальной ноте было выражено удовлетворение указанными намерениями. Они признавались вполне соответствующими ст. 228 Версальского договора, правда, оговорив право передать преступников войны своим собственным судам, если на Родине таковые не будут приговорены к заслуженному наказанию. Количество обвиняемых, отобранных союзниками для суда, сократились к этому времени до 43 («наиболее тяжких»). Для наблюдения за производством по делам, пострадавшими в которых являлись их граждане, Англия и Франция командировали в Лейпциг специальные комиссии.

В конечном счете большинство судебных процессов, имевших место при рассмотренных обстоятельствах в Германии, оказались фарсом. Не только союзники, но и сами немцы называли их «театральной комедией», которую они вынуждены разыгрывать в угоду победителям. Обструкции была подвергнута сама идея преследования за нарушение законов и обычаев войны, что негативно способствовало противоправным действиям нацистской военщины в годы Второй мировой войны.

Библиографический список

1. Епифанов, А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941—1956 гг.: моногр. / А.Е. Епифанов. — Волгоград, 2005.
2. Версальский мирный договор. М., 1925.
3. Оппенгейм, Л. Международное право: в 4 т. / Л. Оппенгейм. — М., 1949. — Т. 2, ч. 1.

Шупляк Петр Алексеевич

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ПОЗИЦИЯ ГЕРМАНСКИХ ПРОФСОЮЗОВ В ОТНОШЕНИИ ВЕРСАЛЬСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА

Важной областью политической деятельности германских профсоюзов были вопросы внешней политики. Эти вопросы для Германии

периода послевоенного кризиса сводились в первую очередь к проблемам послевоенного урегулирования.

Версальский мир, его последствия для Германии, репарационный вопрос и другие проблемы, связанные с поражением Германии в войне, консолидировали германские профсоюзы, хотя их интересы в политической сфере вообще часто не совпадали и были даже диаметрально противоположными. Что касается Версальского договора, то все профсоюзы, как, впрочем, и политические партии, осуждали его как несправедливо жестокий по отношению к немецкому народу и требовали его пересмотра. Лидер наиболее массовых в Германии Свободных профсоюзов Карл Легин был даже включен в состав немецкой делегации на Парижской мирной конференции в качестве уполномоченного министерства продовольствия (министром продовольствия, кстати, был в это время Роберт Шмидт, занимавший ранее высокий пост в тех же свободных профсоюзах). В Париже К. Легин активно боролся против условий Версальского договора, однако был не в силах хоть что-нибудь изменить. После подписания договора и вступления его в силу профсоюзы всех направлений выступили с его острой критикой и требованиями пересмотра. К. Легин назвал Версальский мирный договор не мирным, а «военным договором», в результате которого «семидесятимиллионный народ превратился в рабов объединенного капитала западных стран» [7, s. 10].

Несколько позже было принято официальное заявление Свободных профсоюзов, в котором подчеркивалось, что Версальский мир «является не только продолжением войны против немецкого народа другими средствами, он означает одновременно заговор объединенного капитала против социализма... удар против пролетариата всего мира» [1, s. 201—202]. Свободные профсоюзы пытались даже сохранить на отторгнутых от Германии территориях свои организации, оказывая им финансовую помощь. Из этого, однако, ничего не получилось.

Против условий Версальского договора резко выступили и Свободно-национальные профсоюзы. В мае 1919 г., когда договор еще не был подписан, но его содержание уже не было секретом, Свободно-национальные профсоюзы охарактеризовали его как «смертный приговор для немецкой экономики и народа» и определяли свой протест против договора как «борьбу против насилия, порабощения и окончательного уничтожения немецкого народа» [6, s. 11]. Против Версальского договора жестко высказался десятый конгресс Христианских профсоюзов, требуя его ревизии.

Позиция профсоюзов по отношению к Версальскому договору в значительной степени совпадала или была близка с позицией большинства политических партий и политикой правительства. В результате в Германии сформировался в целом солидарный подход к послевоенным внешнеполитическим проблемам. В этом солидарном блоке общественно-политических сил профсоюзам отводилась важная роль — влиять на массы, подключать миллионы трудящихся людей к противостоянию «версальскому диктату».

Не менее, а может быть, даже и более болезненной для профсоюзов была проблема репараций. Выплата репараций непосредственно влияла на состояние германской экономики и положение миллионов немцев, в то время как первостепенной задачей профсоюзов была как раз борьба за повышение благополучия трудящихся. Поэтому, когда 5 мая 1921 г. на Лондонской конференции была определена сумма репараций в размере 132 млрд марок, реакция профсоюзов была особенно острой и непримиримой. Повсеместно использовались термины «лондонский ультиматум» и «лондонский диктат». Пришедший на смену К. Легину новый руководитель Свободных профсоюзов Теодор Лейпарт направил руководству Амстердамского интернационала профсоюзов телеграмму с протестом против «запланированного порабощения рабочего класса Германии» и потребовал, чтобы интернационал обратился к рабочим стран Антанты с призывом выступить в защиту своих немецких коллег [7, s. 10].

Очень резко против решений Лондонской конференции выступил один из лидеров Свободно-национальных профсоюзов, известный германский политик А. Эркеленц. Обвиняя во всем «французский империализм» и «французский милитаризм», он даже не отвергал возможности невыполнения репарационных требований Антанты и применения «политики катастроф», что было в профсоюзных кругах достаточно редким и непривычным явлением [4]. Позиция профсоюзов по отношению к Версальскому договору и репарационной проблеме сводилась к нехитрой формуле: выполнять, но одновременно добиваться ревизии мирных условий в пользу Германии. Профсоюзы не возражали против самой идеи репараций, полагая при этом, что в основе последних должна находиться проблема восстановления разрушенного хозяйства. В этом случае они готовы были способствовать выполнению платежей. Они поддерживали даже идею о том, что Германия должна принять участие в восстановлении разрушенных войной областей Бельгии и Северной Франции. Но при этом профсоюзы категорически отвергали все попытки возложить только на Германию

ответственность за войну и стремление за ее счет решить все послевоенные проблемы. Подходы профсоюзов к идее приемлемости репараций базировались на принципе: «Мы хотим выполнения, но не хотим отказа от наших социальных завоеваний» [7, s. 11]. Однако политика профсоюзов и в особенности их протесты, какими бы резкими и жесткими они ни были, изменить ситуацию не могли. Послевоенное давление на Германию продолжалось.

В январе 1923 г. дело дошло до того, что Франция и Бельгия ввели свои войска в Рурскую область. Формальным поводом для этого послужило решение репарационной комиссии о том, что Германия не выполняет своих обязательств по уплате репараций. Ввод франко-бельгийских войск фактически парализовал германскую экономику. В ответ правительство Германии объявило политику пассивного сопротивления, стремясь тем самым не допустить использования Францией экономического потенциала Рура и сорвать французские планы давления на Германию. Вот здесь-то профсоюзы и были особенно нужны правительству. Они могли втянуть рабочих в осуществление политики пассивного сопротивления и, что было особенно важно, удержать их от массовых акций протеста против неизбежных тяжелых социально-экономических последствий этой политики. Тем более что и лево- и праворадикальные силы только и ждали удобного повода, чтобы такие акции организовать и использовать в своих политических целях.

Профсоюзы отреагировали на ввод франко-бельгийских войск в Рур крайне негативно и жестко. Франция обвинялась в агрессии, а немецкому народу следовали призывы к объединению для борьбы с оккупантами. 23 января 1923 г. представители трех крупнейших профсоюзных объединений посетили канцлера Куно и заявили, что готовы к совместной обороне всеми средствами [4]. Таким образом, единение с правительством было продемонстрировано. На следующий день, 24 января, профсоюзы осуществляют совместную акцию с организациями предпринимателей. Было принято совместное решение о сборе средств в фонд помощи Руру. Предприниматели соглашались предоставить сумму, в четыре раза превышающую профсоюзную.

Так был сформирован фактически единый фронт правительства, предпринимателей и профсоюзов. Объединение, безусловно, совершенно неестественное, поскольку профсоюзы как организации трудящихся были созданы для защиты интересов последних от действий правительства и предпринимателей. Внешний фактор, побудивший профсоюзы к сотрудничеству с традиционными противниками, не должен вводить в заблуждение. Было очевидно, что без взаимопонимания внутри страны

нельзя противостоять внешнему давлению. Поэтому можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что речь шла и об определенной форме сотрудничества в социально-экономической области.

В едином фронте столь разнородных сил наиболее уязвимой была позиция профсоюзов. Они не имели никаких гарантий для тех масс трудящихся, которых втягивали в политическую борьбу. Ситуация, в которой оказались профсоюзы, весьма точно была отражена в передовой статье одной из наиболее влиятельных газет Свободно-национальных профсоюзов «Регулятор»: «Несколько недель назад рабочих обвиняли в предательстве Германии только потому, что они хотели сохранить 8-часовой рабочий день. А теперь, когда Германия оказалась в тяжелом положении, последовал призыв к немецким рабочим. И они пришли... Они оставили свои частные интересы и сказали: мы сделаем для Германии все, что мы можем. Когда они свое дело сделают, они вновь будут продолжать повседневную борьбу. Они будут бороться со своими предпринимателями и прочими противниками. Их вновь будут ругать» [9].

Следует отметить, что и внутри профсоюзов не было полного единства по вопросу сотрудничества с предпринимателями и правительством. Объединение служащих, входившее в состав Свободных профсоюзов, отказалось подписать договоренность о сотрудничестве с предпринимателями. Протесты и отказ от выполнения этих договоренностей были характерны для отдельных союзов и в последующее время. Однако профсоюзное руководство твердо вело линию на активное участие в борьбе за «спасение отечества от французских империалистов». Профсоюзы взяли на себя основную работу по организации этой борьбы на местах, и можно без преувеличения сказать, что непосредственно осуществление кампании пассивного сопротивления происходило под руководством профсоюзов. Тем самым они брали на себя ответственность и за ее последствия для трудящихся, которые следовали их призывам к сопротивлению оккупантам.

Профсоюзы, помимо усилий внутри страны, развернули широкую международную кампанию. 31 января Т. Лейпарт направил большое письмо руководству французской конфедерации профсоюзов, в котором подробно излагал тяжелое положение, сложившееся в Германии. Он пытался убедить французское профсоюзное руководство в том, что политика Франции на ослабление Германии ведет к ограничению возможностей последней платить репарации и тем самым участвовать в восстановлении разрушенных войной французских территорий. 1 февраля представители трех крупнейших профсоюзных объедине-

ний приняли совместное обращение к Сенату и Палате представителей США. Они считали, что американское вмешательство может изменить ситуацию. Профсоюзы предлагали создать комиссию, которая бы обладала полномочиями и могла разобраться с ситуацией в Германии [2, s. 60]. По их ходатайству Амстердамский интернационал рекомендовал всем национальным профсоюзам последовать примеру голландских коллег, которые направили в помощь немецким рабочим денежную сумму в 150 тыс. гульденов.

Т. Лейпарт проявлял активность и внутри страны. 8 февраля он обратился к немецким рабочим с призывом участвовать в организации помощи Руру и направить на эти цели сумму, равную часовой зарплате. Однако этот призыв не всегда и не везде находил отклик в связи с тем, что фонд помощи Руру формировался совместно с предпринимателями. Такие настроения были характерны для Берлинской организации Свободных профсоюзов и для союза металлистов. 2 марта руководство Свободных профсоюзов официально выразило свое сожаление по поводу того, что некоторые профсоюзные организации не участвуют в помощи Руру совместно с предпринимателями. «Неплательщики» ссылались на то, что предприниматели стремятся отменить 8-часовой рабочий день и оказывают поддержку национал-социалистам. Поэтому собранные на помощь Руру деньги они направляли своим организациям в Руре, а не в совместный с предпринимателями фонд. Этим не преминули воспользоваться отдельные предприниматели, также отказываясь платить. В конечном итоге помощь Руру не была реализована в том масштабе, как это планировалось [8, s. 174]. Не оправдались надежды и на международную помощь. В конце февраля руководство Свободных профсоюзов выражало свое недовольство отсутствием реальной международной поддержки. «Международная активность не выражается в бесчисленных и дорогостоящих поездках, в бумажных заявлениях, в длинных речах и постановлениях», — подчеркивалось в заявлении профсоюзного руководства. Весьма критически оценивалась позиция Амстердамского интернационала [3, s. 86].

Тем временем обстановка в Германии обострялась по всем направлениям. Продолжение политики пассивного сопротивления вело к экономической и социальной катастрофе. Закрывались промышленные предприятия, невиданный масштаб приобрела инфляция, росла безработица. Все это порождало недовольство широких слоев населения. Этим не преминули воспользоваться право- и леворадикальные силы, организуя беспорядки и почти открыто готовясь к пут-

чам и революциям. Профсоюзы прилагали все возможные усилия, призывая рабочих не участвовать в так называемых диких забастовках. Однако успех был весьма скромным. Обострились отношения профсоюзов с предпринимателями. Становилось очевидным, что представители финансово-промышленного капитала стремятся использовать рурский кризис для укрепления своих стратегических позиций. 25 мая 1923 г. Президиум имперского союза немецкой промышленности распространил свои предложения по урегулированию репарационного вопроса. Суть их сводилась к тому, чтобы ослабить роль государства в вопросах экономической жизни и расширить права промышленников, сделав их почти неограниченными в решении социально-экономических вопросов. Профсоюзы резко выступили против этой позиции, считая ее корыстной и вредной для урегулирования ситуации в стране. Свободные и Свободно-национальные профсоюзы направили канцлеру памятную записку, в которой категорически отвергали планы финансово-промышленных кругов [8, с. 21—22].

Весной 1923 г. становилось все более очевидным, что осуществление политики пассивного сопротивления ставит профсоюзы в сложное положение. Особенно это касалось Свободных профсоюзов, которые в профсоюзном фронте занимали левые позиции и были фактически наиболее влиятельной силой. Социально-экономические последствия пассивного сопротивления способствовали радикализации рабочих, активизации коммунистов, росту социальных конфликтов. Влияние профсоюзов падало, а численность сокращалась по мере обнищания трудящихся. В то же время фронт борьбы расширялся. Наряду с организацией пассивного сопротивления необходимо было противостоять попыткам коммунистов дестабилизировать ситуацию в стране путем организации забастовок и противодействовать стремлению своих союзников по фронту борьбы с французскими оккупантами, финансово-промышленных кругов, вытеснить профсоюзы из социально-экономической сферы или хотя бы потеснить их в этой сфере. Профсоюзы, таким образом, стали заложниками своей политики.

В этих условиях уже в апреле 1923 г. в руководстве свободных профсоюзов началось обсуждение вопроса о прекращении политики пассивного сопротивления. В конечном итоге после консультаций с руководством СДПГ, которая не входила в состав кабинета В. Куно, было принято решение совместно с другими профсоюзами обратиться к правительству с предложением прекратить пассивное сопротивление и начать переговоры с Францией. Однако ни Христианские, ни Свободно-национальные профсоюзы позицию Свободных не поддержа-

ли. Они ориентировались совсем на иные политические силы, которые входили в состав правительства В. Куно и были солидарны с ними. В связи с тем, что Свободные профсоюзы не хотели в одиночку выходить из общего фронта борьбы и тем самым взять на себя ответственность за срыв политики пассивного сопротивления, они несколько смягчили свою позицию. Она теперь сводилась к следующему: пассивное сопротивление продолжается, но правительство должно выступить с конкретными предложениями по урегулированию конфликта с Францией. Эта позиция была опять-таки согласована с СДПГ и 21 апреля изложена канцлеру. Отныне Свободные профсоюзы совместно с СДПГ оказывали давление на правительство с целью добиться выполнения своих предложений.

В этих условиях на фоне перемен в политике Свободных профсоюзов и СДПГ, катастрофической ситуации в финансово-экономической и социальной сферах, политической нестабильности правительство В. Куно 12 августа ушло в отставку. Было создано правительство большей коалиции с участием СДПГ во главе с Г. Штреземаном. 26 сентября 1923 г. оно прекратило пассивное сопротивление. После этого решение рурского кризиса перешло в сферу дипломатии.

Профсоюзы в результате участия в политике пассивного сопротивления значительно ослабили свои позиции. Они оказались перед угрозой финансовой катастрофы в результате массовой безработицы и сокращения численности. К 1924 г. число их сократилось по сравнению с 1920 г. у Свободных профсоюзов с 8,5 млн до примерно 5 млн, у Христианских профсоюзов — с 1,7 млн до 1 млн, у Свободно-национальных профсоюзов — с 490 тыс. до 410 тыс. [5, s. 41]. Пользуясь ослаблением профсоюзов, правительство все меньше считалось с ними. Начиная с октября 1923 г. правительство под давлением предпринимателей все более склонялось к новому регулированию рабочего времени, что ставило под угрозу 8-часовой рабочий день. Протесты профсоюзов при этом не учитывались. В связи с этим в начале ноября министры СДПГ вышли из правительства Г. Штреземана. 21 декабря декрет о регулировании рабочего времени был принят и содержал положения, позволяющие отходить от 8-часового рабочего дня.

В условиях послевоенного кризиса в Германии, характеризовавшегося острыми внутри- и внешнеполитическими проблемами и противоречиями, политическими кризисами, профсоюзы выступили в качестве стабилизирующего фактора. Опираясь на поддержку миллионов трудящихся, в союзе с либерально-реформистскими политическими силами они в это сложное и тяжелое время смогли не допустить реван-

ша правой реакции и реализации леворадикальных планов коммунистов. Это стоило профсоюзам значительных жертв: сокращения численности, ослабления влияния, падения авторитета. Однако главная цель — сохранение демократической государственности — была достигнута. Это создавало предпосылки для восстановления позиций в наступающем периоде стабильного развития страны и общества.

Библиографический список.

1. Correspondenzblatt. — 1919. — № 20.
2. Correspondenzblatt. — 1923. — № 6.
3. Correspondenzblatt. — 1923. — № 8.
4. Der Deutsche. — 1923. — 25 Januar.
5. Deppe F. Wirtschaftskrise, Faschismus, Gewerkschaften. Dokumente zur Gewerkschaftspolitik 1929—1933 / F. Deppe, W. Roßman. — Köln, 1981.
6. Für die Freiheit der Nation. Gewerkschaftsring und Reparationen. — Berlin, 1932.
7. Gewerkschaften, Friedensvertrag, Reparationen. — Berlin, 1932.
8. Jahrbuch des ADGB 1923. Berlin, 1924.
9. Regulator. — 1923. — 2. Februar.